

А.С. Жулева

DOI: 10.25693/ SVGV.2021.34.1.012
УДК 821.554

Время–пространство в романе Юрия Рытхэу «Белые снега»

В статье определена роль категории пространственно-временного единства в построении композиции, развитии сюжета и в создании образов романа, а также выявлена значимость хронотопа в раскрытии сферы смыслов.

Цель статьи – анализ художественных категорий пространства и времени в романе Юрия Рытхэу «Белые снега». Выявление принципов функционирования и модификации хронотопа в процессе становления литератур народов Севера.

На материале романа чукотского писателя Юрия Рытхэу «Белые снега» исследуется, как хронотоп, будучи знаковой системой, соединяющей разные семантические коды (исторический, географический, мифологический, религиозный, культурный) раскрывает картины мира автора и героев, способствует отражению этномира в период аккультурации. Сопоставлены мифологический хронотоп (с циклическим временем) и исторический (с линейным временем), раскрыто их воздействие как двух типов мировосприятия на основной мотив, композицию и развитие сюжета, коллизии и аллюзии, литературные образы. Отмечена доминирующая роль пространственных представлений в мифологическом хронотопе. Выявлено, что в реальной жизни древнего чукотского народа (жил на Чукотке в эпоху неолита) на раннем этапе эволюции существовал период неразделения категорий времени и пространства, временные отношения передавались пространственными обозначениями, о чем свидетельствует обращение к тезаурусу чукотского языка.

При создании произведения Рытхэу опирался на пространственно-временную композицию, этот особый осознанный художественный прием, активно используемый в русской и европейской литературе. При сопоставлении восприятий времени и пространства в разных культурах нам важно как выявить сами свойства «здесь» и «теперь», так и сопоставить разные законы бытия.

Ключевые слова: пространство, время перемен, мифологический хронотоп, роман Ю. Рытхэу, семантика, образы, этномир

Введение. Являясь фундаментальным понятием бытия, а в литературоведении – парадигмой, имеющей объяснительный потенциал, хронотоп выполняет синтезирующую функцию как во внутренних закономерностях построения

произведения, так и в осмыслении исторической эпохи, этнической картины мира, мировоззрения автора и героев. Осмысление и конкретизация художественного хронотопа в зародившейся и активно развивавшейся в XX в. и про-

должающей свое развитие, хотя и не столь активно в настоящее время, чукотской литературе представляется актуальной и значимой целью. Наполненное семантическими кодами информационное поле категории время–пространство в этой уникальной литературе – мало изученный объект исследования в литературоведении. Недостаточно проявлено, например, как объективируются в произведениях смыслы через их пространственно-временное выражение разных форм, как хронотоп способствует раскрытию характеров, решению нравственно-философских и бытовых проблем в различных условиях социокультурных перемен.

Мифологический хронотоп (время–пространство), в котором время циклично и тесно связано с пространством, активно присутствовавший как в фольклоре и эпосе, так и в сознании народов Севера еще в начале XX в., стал в зарождающихся литературах их составной частью. Развивавшиеся не без влияния русской классики, нередко с поддержкой русских писателей и поэтов, уникальные литературы отразили сложный процесс приобщения к инокультуре. В литературе народов Севера запечатлены и встречи мифологического хронотопа с историческим, содержащим линейное время.

Для исследования был избран роман «Белые снега» чукотского писателя Юрия Рытхэу [Рытхэу, 1975], написанный на русском языке в семидесятых годах XX в., но отражающий историческое время конца 20 – 30-х годов этого мятежного и памятного века, в которое происходили поворотные изменения в материальной и духовной жизни коренных жителей Чукотки. Проведен контекстный анализ этнокультурного, исторического материала, связанного с эстетико-философской категорией хронотопа, который творчески представлен чукотским автором в романе.

Материалы и методы. Междисциплинарная методология работы определена спецификой темы и диктует обращение к этнологическим, историческим исследованиям, а также к наработкам в истории литератур малочисленных народов Севера и психоанализа. Используются литературно-теоретический, мифологический, герменевтический подходы, элементы структурного метода.

В ходе исследования осуществлялась опора на теоретико-методологические принципы ис-

следования пространства–времени в работах как российских исследователей (М. Бахтина, Ю. Лотмана, В. Топорова), так и зарубежных (Э. Кассирера, М. Хайдеггера, М. Элиаде, Т. Мюллера).

Проанализированы работы североведов по данной теме, в частности, этнологические исследования В. Богораза о пространственных и временных представлениях чукотского народа, фольклорные и лингвистические материалы по заданной теме П. Скорика, этнолого-исторические исследования И. Вдовина, Л. Хомич, литературоведческие работы А. Пошатаевой, Ю. Хазанкович, а также исследования литературного хронотопа В. Хализева, Н. Шутая.

Ссылаясь на «Трансцендентальную эстетику» И. Канта и на доклад биолога А. Ухтомского (1925 г.), в котором тот впервые использовал термин «хронотоп», М. Бахтин обосновал возможность осваивать взаимосвязь временных и пространственных отношений в литературоведении. В работе «Формы времени и хронотопа в романе» он писал: «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп». [Бахтин, 1975: 234] В хронотопе, по Бахтину, имеется в виду одновременно духовная и материальная реальность, в центре которой находится человек. Он выделял аксиологичность пространственно-временного единства, при этом принципиально выражение личностного начала, своей индивидуальной позиции, смыслонаполненности. Согласно Бахтину, вступление в сферу смыслов совершается «только через ворота хронотопа». В литературном хронотопе Бахтин более значимое место определял для времени.

Следует отметить, что в реальной жизни древнего чукотского народа (жил на Чукотке в эпоху неолита) на раннем этапе эволюции существовал период неразделения категорий времени и пространства. Обращение к тезаурусу чукотского языка позволило выявить слова, значение которых подтверждает предположение о том, что, возможно, в чукотском языке изначально существовал хронотоп, в котором временные отношения передавались пространственными обозначениями. Например, в чукот-

ском словаре [Инэнликэй, 1982: 134] слово «ынкы» переведено на русский язык как «там, тогда», слово «ынкагагнэты» – «до тех мест, до того места; до тех пор, до того времени». Таких архаических примеров можно отыскать немало в чукотском языке.

Пространство и время в чукотской литературе тесно связано с мифологическими представлениями о мире. Мифологическое время чукотского народа, подчиненное законам мифопоэтического мышления, было циклическим. Это представление существовало в жизни и быту еще и в тридцатые годы XX века. В чукотской литературе, как и в других литературах народов Севера, отразился процесс изменения представлений о времени, когда оно стало двигаться уже не по кругу, не по спирали, а линейно.

В современном литературоведении категория время–пространство осмысливается как знаковая система, соединяющая в себе разные семантические коды. Среди них выделяются исторический, культурологический, философско-эстетический, религиозно-мифологический, географический. Эти коды образуют единое смысловое целое, раскрывающее как авторскую картину мира поэта или прозаика, так и особенности пространственно-временной организации самого произведения.

Раскрытие кодов предполагает в процессе изучения решение проблем восприятия, осмысления и интерпретации художественного дискурса произведений, активное применение герменевтического, семиотического анализа хронотопов литературы и культуры.

Идея культуры как знаковой системы – ведущая в теории семиотики Юрия Лотмана. Механизмы культуры настроены, согласно Лотману, на сохранение и передачу информации различными знаковыми системами. Раскодирование знаков хронотопа предполагает глубинное осмысление составляющих его категорий – времени и пространства.

Результаты. Особенностью категории «время» в литературах народов Севера, зародившихся в XX в., является изменение представлений о нем. Художественное сознание авторов выросло из бессознательного мифопоэтического мышления, в нем активно проявлялось влияние традиционного циклического времени, особого, безграничного. Постепенно укоренились пред-

ставления об упорядоченном линейном времени. Основа мифа – повторение, «пульсация» рождения–умирания. Мифологическое сознание старалось не знать временной длительности, дистантности настоящего, прошедшего и будущего. Год делился сначала на отрезки по сезонам зимних и летних кочевий, на два периода. Постепенно возникли названия месяцев, бытовавшие по крайней мере до середины прошлого века, которые были связаны с наиболее важными событиями в их хозяйственной жизни и явлениями природы. Солнце и луна являлись мерилем циклического времени. Первообразы «солнце» и «луна» как бинарные оппозиции света и темноты, тепла и холода, надежды и отчаяния, жизни и смерти вошли в роли главных героев в мифы, позднее нашли отражение в легендах и сказках, эпосе, активно реализовались в литературе. Эти первообразы, как и другие, возникшие на заре человечества, структурировали понимание мира, пробуждали творческую активность, проявлялись в фольклоре и литературе народов Севера, делая сакральное более действенным и реальным, а взаимосвязь различных эпох ощутимее.

Солнечный круговорот, циклическое изменение фаз луны – естественные ориентиры для измерения времени. Наблюдения за временами года, лунным циклом – все это связь человека с космическими событиями и проецируется в мифе о периодическом создании и рождении / трансформации / воскресении (по М. Элиаде) Вселенной.

Чукотские сказки, например, не знают предела во времени. Все в сказе начинается в правремена и движется по кругу, возвращаясь назад. Подобное явление присутствует и в ненецких сказках, и в эпосе: «Долго ли так живем, не припомню» (эпическая песня-сюдбабц «Три Хэно»).

Исследование хронотопа в фольклоре и литературах народов Севера было сопряжено с обсуждением категорий «время» и «вечность» ненецкой и хантыйской литератур на Международных Ломидзевских чтениях, проводившихся 28–30 ноября 2005 года в Москве [Жулева, 2008: 284–291]. Были изложены основные подходы к постижению процесса зарождения литератур, выявлению, как авторская концепция времени накладывает отпечаток на эстетическую приро-

ду художественного произведения, каким образом связаны с ней повествовательное время, сюжетное и другие формы художественного времени.

В литературном хронотопе многоликое пространство – видимое и недоступное визуальному восприятию, физическое и трансцендентное, концептуальное и ассоциативное – является частью реального пространства и организовано как некоторое единство именно в нем. В художественной модели мира «пространство» нередко метафорически принимает на себя выражение совсем не пространственных отношений. Художественное пространство – это своего рода авторская картина мира, которая запечатлена в языке его пространственных образов. Ю. Лотман в работе «Художественное пространство в прозе Гоголя» утверждал, что первичным и основным является язык пространственных представлений в художественном тексте. По мнению В.Н. Топорова, присущая тексту смысловая множественность вызвана прежде всего «пространственной многолинейностью означающих», из которых он создан.

На основе анализа пространственных и временных представлений народов Севера, литературного хронотопа в их литературах возникла гипотеза о смысловой множественности пространства и о пространственной многолинейности в этих литературах и, как следствие, о первичности пространства в литературном хронотопе. Изначально эта гипотеза была подтверждена на основе изучения ненецкой литературы. Исследуя художественное пространство в ненецкой литературе, важность его для индивидуального восприятия и для культуры северного народа, мы выявили, что в хронотопе этой литературы именно преобразованное пространство является первичным по значимости. В ходе исследования был сделан вывод, что художественное пространство, создаваемое ненецкими авторами, решает, кроме создания поэтических образов, передачи смысловой множественности текста, завуалированную и важную задачу – «преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую многонациональных читателей от малопонятного, чуждого им текста, поставить его на один с ним уровень и, таким образом, включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель» [Жулева, 2015: 101].

В процессе исследования мировидения чукотского писателя Юрия Рытхэу в разные периоды его творческого пути, этномира его героев на материале романов «Айвангу» и «В зеркале забвения», было выявлено, что философско-эстетическая категория «пространство» является важнейшей составляющей художественного мира писателя и его произведений. Метафорически пространство в названных романах нередко берет на себя выражение совсем не пространственных отношений в моделирующей структуре мира [Жулева, 2018: 208–231].

Следует отметить, что, рассматривая время–пространство (хронотоп дороги (пути) в прозе народов Севера и Дальнего Востока, Ю.Г. Хазанкович на материале ряда произведений («Синий ветер каслания» мансийского писателя Ю. Шесталова, «Ханидо и Халерха» юкагирского прозаика С. Курилова, «Женитьба Кевонгов» В. Санги) определяла пространство как доминирующую категорию в хронотопе названных северных литератур [Хазанкович, 2017: 230–242].

В анализируемом нами романе «Белые снега» [Рытхэу, 1975] время–пространство играет важную роль в развитии сюжета, создании образов. Происходит изменение мировоззренческих представлений, столкновение разных культурных хронотопов.

В реальной жизни чукотского народа в 30–40-е годы XX в. наступил период освоения грамотности. Это были годы создания чукотского алфавита и первого чукотского букваря, время активной аккультурации: приехавшие на Чукотку русские учителя осваивали чукотский и эскимосский языки и основы культуры северных народов, а коренные жители Чукотки изучали русский язык и незнакомую им культуру. Одним из приемов и способов создания романа является достоверность. Реальные факты действительной жизни, будоражащие мысль, стали для Рытхэу материалом для художественного представления в романе. Документальные факты социокультурных перемен в жизни чукотского народа позволяют читателю представить реальность времени–пространства изображенной эпохи, а также своеобразие представлений о них. Писатель тонко ощущал самодвижение жизни, закрепил реальность в подробностях. Содержание романа позволяет восстановить судьбоносное

время в жизни чукотского народа. Документальные и вымышленные образы запечатлели, например, духовное становление личности в сложный период перемен.

Экспозиция перед завязкой романа представляет читателю реальный топос на северо-востоке азиатского материка – селение Улак (так именовал Рытхэу место своего рождения и детства селение Уэлен в ряде произведений). Расположенное на прибрежной косе, оно является одним из самых древних поселений Чукотки. Не случайно главный герой произведения вспоминает рассказанную ему матерью легенду о былом времени в жизни народа, когда в этом суровом и холодном краю была природа совсем иной. Согласно легенде, «в давнюю старину» в здешних местах было тепло и приморский народ не знал нужды, потому что охотники промышляли морского зверя круглогодично. Берега были покрыты зеленой травой, и тундровые олени мирно паслись здесь, тучнея на богатых, никогда не истощающихся пастбищах. Приморские жители выходили в морскую даль, не знающую льдин, байдары, сшитые из моржовой кожи, легко скользили по теплой воде.

Одна из причин, по которой писатель привлекает в экспозиции прошлое время с иным климатом на прибрежной косе, – для своеобразно завуалированного представления основного мотива романа. Его суть в том, что человеческое единение, взаимопомощь, любовь – будущее, к которому следует стремиться. И об этом чукотский народ знал гораздо раньше, чем эти постулаты стали провозглашать строители нового общества, приехавшие на Чукотку. В те легендарные далекие времена чукотский народ был счастлив. Люди жили в дружбе и любви, а природные условия, которые их окружали их, соответствовали их нравственному уровню. Причина изменения климата, согласно легенде, кроется в появлении конфликта, который именуется «страшным». Два брата, два лучших охотника на побережье, славившиеся своей силой и удачливостью, поссорились. Один из них, разозлившись, ушел из родного селения, перенес ярангу в другое место. Ссора затянулась, и однажды, в пору темных ночей, люди вдруг увидели необычное: вместо теплого дождя с неба посыпалось что-то белое и холодное. Оно покрывало

гальку, зеленую траву, ложилось на желтые кожи байдар и на крыши яранг. Мудрые люди селения дали странному и немилосердному явлению определение: «Это гнева белые снега». Погружение в былые времена и иные климатические условия стало демонстрацией нравственного жизненного урока, с одной стороны, а с другой – проявлением романтических настроений самого автора в отношении поворотных перемен в жизни народа.

Автор вкладывает собственные представления о реальности бытования чукчей в годы перед его рождением и в годы детства в размышления юноши Пэнкока. Этого неграмотного охотника на морского зверя писатель уже в экспозиции ставит на ступень эпического героя, задумывающегося о судьбе народа, умеющего видеть уход от равенства в родовом сообществе и оценивать появившееся социальное неравенство. Он не формулирует оценку, а с высоты Сторожевой сопки периодически рассматривает жилища селения Улак. Пэнкок представляет читателю в процессе описания жилищ, по мере удаления взгляда в бинокль от Сторожевой сопки, социальную обстановку в селении. И этот взгляд не только героя, но и автора, сформированный как собственным жизненным опытом в селении, так и воспоминаниями современников об означенных годах, которыми были не только родственники. Уровень жизни каждого человека в селении определен возможностями построить себе жилище и обеспечить себя пропитанием, что зависело от наличия вельботов и байдар. Единственная огромная яранга Омрылькота, владеющего двумя вельботами и тремя байдарками, свидетельствовала о его могуществе и силе. Его герой называет «как бы старейшиной села». Отмечает он и то, что в яранге Омрылькота висит три полога, и в каждом из них располагается одна из трех жен с детьми. Отмечены героем и яранги, где есть удачливые охотники, имеющие байдары. В большинстве же яранг, по его мнению, живут хоть и трудолюбивые, но не всегда защищенные от зимнего голода люди. В их число отнес и свою ярангу, вспомнив, как в одну из зим вся его семья страдала от голода. На пространных селения ближе к лагуне располагались беднейшие яранги, где жили потерявшие стада оленеводы. Среди них были и переселен-

цы с побережья Ледовитого океана, где люди часто голодали и даже вымирали целыми селениями. Так образное изображение автором в экспозиции пространства селения в обозначенный им период времени становится смыслообразующим художественным хронотопом, предваряющим развитие событий романа.

Хронотоп становится своеобразной сущностью, определяющей несвойственные им предкам действия, поступки героев. В духе реализма созданы в романе образы приобщающихся к иной культуре героев. Одним из главных персонажей, осваивающих культуру, быт, чукотский язык является учитель Петр Сорокин, прототипом которого стал один из разработчиков чукотского алфавита и создателей чукотского букваря, автор русско-чукотского словаря и учебных книг по изучению чукотского языка Петр Яковлевич Скорик.

Молодой учитель Петр Сорокин приехал в селение Улак (так называет автор селение Уэлен, в котором он родился и учился, здесь же работал в школе П.Я. Скорик) вместе с учительницей Еленой Островской, которую определили в соседнее эскимосское селение Нуукэн (в реальности это эскимосское селение Наукан, жители которого позднее были переселены в разные села). Судя по первому письму Петра Сорокина своей матери, которое он отправил с привезшим его пароходом (других возможностей отправить письмо в ближайшее время не ожидалось из-за отсутствия почтовой связи), его знания о Чукотке и ее жителях, чукчах и эскимосах, были ограничены сведениями из книг Джека Лондона и обрывочными рассказами моряков, наполненные не всегда позитивными мнениями малосведущих людей о местных жителях. Но Петр Сорокин, как и его коллега Елена Островская, охвачены романтическими идеями о глобальном изменении жизни северных народов, далеких от знакомой им цивилизации. Среди задач, которые они должны были решать, было приобщение детей и взрослых сначала к грамоте на русском языке, поскольку отсутствовала письменность и учебные книги на чукотском и эскимосском языках, а также организация нового общественного порядка. Первые учителя представлены так, как поступал реальный прототип Петра Сорокина – Петр Яковлевич Скорик. Они активно стали изучать

разговорный чукотский и эскимосский языки, участвовали в создании местных советов. Они наблюдали со стороны за вековыми традициями, пытались понять их суть и значимость для северных народов. В произведении ясно звучит голос автора, его сомнения в резком отказе от вековых традиций и даже быта. Однако решение задач обучения грамоте и создания алфавита оценивается автором высоко и явно поддерживается как путь приобщения северных народов к мировой цивилизации.

Главный герой произведения Пэнкок, чукотский юноша, устремленный к знаниям языков и новой для него культуре без отказа от своей, проникнутый желанием стать учителем, представлен своеобразным вариантом мифологического, сказочного героя. Он обеспокоен будущим своего народа, смело отправляется в неизвестные края на учебу. Им восхищаются жители Улака, удивляются его решительности преодолеть препятствия неизведанного пути в незнакомое для них пространство.

Хронотоп этого персонажа перекликается по форме с хронотопом Петра Сорокина, содержит бинарную оппозицию «свое–чужое». И неизведанные дела нового времени, и чуждое пространство и окружение постоянно держат героев в напряжении, ставят перед выбором поведения. Хронотоп, участвуя в сюжете и композиции произведения, участвует в создании образов, высвечивая характер героев.

Поставив своей целью обучение грамотности чукчей, создание чукотской письменности на русской графической основе, Петр Сорокин проявляет чудеса жизненной и творческой активности, сотрудничает с Вэйпом (так называли чукчи этнографа и фольклориста В.Г. Богораза). Для молодого учителя Сорокина перед приближением нового года встала непростая задача объяснения необычного как для детей, так и для взрослых летоисчисления, смены года и календаря. Отсутствие в мифологическом сознании персонажей, имеющих циклическое видение времени, линейного представления о нем вызвало немало курьезных вопросов, обращенных к учителю. «Откуда придет Новый год?» – спрашивали его и просили, чтобы он назвал место для встречи с ним, уточняя, с какой стороны придет, пешком или на собаках. В разговоре с учителем учивший русский язык юноша Пэнкок

уточнил, что все в селении только об этом и говорят. Некоторые предполагают, что придет особый человек и привезет его, этот год. Он познакомил учителя с мнением шамана Млеткына: «Шаман показал мне железное стучащее сердце (речь идет о наручных часах) и сказал, что оно отмеряет протяжение жизни. Тангитаны (так называли приехавших издалека людей разных национальностей, не живущих на Севере) любят измерять все. Научились и это делать. День они меряют не только на утро, полдень и вечер, но и на мелкие кусочки. Млеткын сказал, это для того, чтобы всем хватило». Следует отметить, что представленное объяснение деления времени с помощью часов не является фантазией шамана. Оно ассоциируется с подробным делением дня в зависимости от положения на небосклоне солнца. Своеобразный «солнечный день» чукотского оленевода описан и зарисован как компас в полевых записях Богораза в книге «Чукчи». Все время суток в нем распределено в зависимости от положения солнца на небосклоне, отражает символическую борьбу света с темнотой и содержит подобное часовому разделению на более двадцати частей. Среди них, например: «полночь миновала» (середина ночи миновала); «приблизился рассвет» («свет прорвался наружу»); «темнота ушла»; «хорошо рассвело», «солнце поднялось (к вершине)»; «солнце стало низким», «все еще день» (начало вечерней зари) [Богораз: 1939, Т.2, 15].

В романе Рытхэу описал своеобразное восприятие чукотскими персонажами незнакомого им праздника «Встреча Нового года». Пэнкок решил «поймать» или хотя бы увидеть Новый год. Для этого он вместе с девушкой Йоо отправился на Сторожевую сопку. Они долго смотрели на небо в ожидании неведомого и загадочного года, от которого смутно ждали чего-то большого и радостного. Своеобразным было предположение героя, что, возможно, Новый год спустился незаметно для них вместе с появившимся на небе необычно ярким полярным сиянием, огромные световые столбы которого подпирали небо, как бы стремясь поднять его еще выше.

Представляется, что картины действительности, восприятие категорий времени и пространства актуальны для раскрытия мировоз-

зрения целого народа и заслуживают глубокого анализа. Выполняя синтезирующую функцию в романе, хронотоп способствует углубленному пониманию внутреннего мира автора и героев благодаря раскрытию системы взаимодействия человека с окружающей действительностью. Герои произведения – охотники прибрежного селения Улак – владеют широкими знаниями окружающего пространства. Они умеют предсказывать погоду по цвету и виду облаков, по направлению их движения, по ветру, его силе и запаху, по освещению вершин дальних и ближних гор. Направление морского течения охотники и рыболовы легко узнают по цвету самой воды.

Пространство Севера таит в себе грозную силу, проявление которой может зависеть даже от звуков, издаваемых случайно или преднамеренно. Рытхэу использует эти хорошо известные ему особенности для развития сюжета и создания трагической ситуации, для высвечивания характера героев, их социальной убежденности. Имевший большое влияние среди жителей селения Улак шаман Млеткын не возражает против обучения грамоте, понимая создавшуюся ситуацию, но хочет, чтобы обучили только его. Увидев укрепление власти других, он решает воспользоваться знанием опасности одного из участков дороги в Нуукэн и расправиться с Пэнкоком и Сорокиным во время их поездки. Их путь пролегал под мрачными скалами, по кромке льда. Еле видимые нартовые следы то прижимались вплотную к черным камням, то уходили в море, петляя меж торосов и голубых обломков айсбергов. В обнажениях скал светились мерзлые потоки, а в углублениях, в темных ущельях, лежал вековой, затвердевший до ледяного снега. Кое-где над дорогой «угрожающе нависали и зловеще курились дымком снежные козырьки». Любой громкий звук мог вызвать лавину снега, способную погрузить в небытие и упряжку, и людей. Шаман подстерег путников и выстрелом, а потом и криками обрушил снег со скал. Лавина прокатилась до самого низа, отдельные глыбы слежавшегося снега достигли далеких торосов. По счастливой случайности упряжка успела проскочить опасное место. Опытный вожак ускорил бег, почувствовав опасность. Представленная автором коллизия – отражение существо-

вавшего среди жителей Чукотки сопротивления социально-культурным переменам.

Наполнен трагическим содержанием и другой конфликт, возникший в романе на почве столкновения пространственно-временных представлений героев о жизненном пути, в которых присутствует оппозиция жизнь / смерть. Героиня романа, мать Пэнкока, долго болевшая туберкулезом, очень любила сына и не хотела быть ему в тягость. Она считала себя виновной в том, что Пэнкок не может уйти из своей яранги в семью своей невесты и отрабатывать за нее в их яранге в течение двух лет в качестве безропотного помощника отца невесты. Женщина предложила сыну облегчить ей «путь сквозь облака». От этих ее слов волосы шевельнулись на голове Пэнкока. Матерью была произнесена священная просьба, пренебречь которой значило отречься от закона предков, от последнего сыновнего долга. Эти слова значили, что Пэнкок должен задушить свою мать. Он обратился с просьбой помочь спасти мать, отговорить ее от такого страшного решения. Сорокин объяснил, что по новым законам за такие действия будут судить и предложил поехать к коллеге в Нуукэн, чтобы она, окончившая медицинские курсы, попыталась помочь больной женщине. Размышляя о решении еще молодой, но безнадежно больной (в то время еще не было лекарств от этой болезни) матери Пэнкока, учитель пытался понять ее решение. По его мнению, быть может, в свое время этот добровольный уход из жизни людей, уже не приносящих пользу окружающим, выражал высшую степень человеческого самопожертвования. Человек уходил, зная, что доля его пищи, тепла, места в пологе яранги достанется тому, кто поможет поднимающемуся поколению. Но наступили уже другие времена, когда проблема голода отступила. Шаман же стал убеждать Пэнкока: «Мы переживаем трудное время. С одной стороны, новый закон надо принимать. А с другой – готовы ли мы вот так сразу понять все тангитанские обычаи? Подумай, Пэнкок, подумай как следует... Мать твоя дала слово. Если она умрет своей смертью до свершения обряда, что ее ждет там, за облаками? Презрение и страдания! Неужто ты хочешь вот так вознаградить ее за земные мучения?» Пэнкок был полон горестных и трудных размышлений. Он выбрал поездку вместе с Соро-

киным за помощью в Нуукэн. Однако по возвращении они узнали, что женщина сама выполнила произнесенное ею и предназначенное высшим силам слово о добровольном уходе. Шаман провел обряд, «поговорил с ней» и успокоил Пэнкока и окружающих, что она не держит ни на кого зла. Кивнув в сторону неба, он сказал, что ее там хорошо встретили. В качестве доказательства была ссылка на выглянувшее солнце и утихший ветер.

Представленная в романе трагическая ситуация являет собой отражение мировидения чукотского народа, синкретизма человека и природы, сакрального воздействия мифов, устойчивости обрядов.

Обсуждение и заключение. В процессе исследования хронотопа в романе «Белые снега» как категории исторической поэтики было сделано следующее:

- выявлены особенности взаимосвязи пространства и времени в различных формах хронотопа, определена его значимость в раскрытии «сферы смыслов»;

- отмечена доминирующая роль пространственных представлений в мифологическом хронотопе;

- сопоставление хронотопов позволило высветить их роль как компонентов образной системы романа, как текстового контента, способствующего раскрытию мировоззрения автора, картины мира персонажей произведения;

- при создании произведения Рытхэу сопоставляет разное восприятие времени и пространства с целью выявить свойства «здесь» и «теперь», равно как и сопоставить разные законы бытия. Сюжет романа «Белые снега», его основной мотив, коллизии и аллюзии, литературные образы выстроены под воздействием двух типов мировосприятия, двух хронотопов – циклического и линейного;

- проанализированные в процессе исследования картины действительности в романе позволили высветить этническую специфику мировидения и особенности бытования чукотского народа в конкретный отрезок времени;

- обозначено наличие общих свойств категории время–пространство в чукотской, ненецкой и в ряде других литератур народов Севера;

- информационное поле хронотопа в романе конкретизируют разнообразные семантические

коды: исторический, религиозно-мифологический, культурологический, эстетический. Все вместе выделенные коды образовали единое смысловое целое, дающее представление как о своеобразной авторской картине мира, об особенностях пространственно-временной организации произведения, так и об эволюции художественного сознания, трансформации мировоззрения северного народа;

– раскрытие кодов предполагает в процессе изучения решение проблем восприятия, осмысления и интерпретации художественного дискурса произведений, активное применение герменевтического, семиотического анализа хронотопов литературы и культуры.

Полученные результаты, а также используемые методы могут быть рекомендованы как для последующих исследований категорий пространства и времени и форм хронотопа, так и для определения их функциональности в литературах малочисленных коренных народов Севера и Северо-Востока, так и для углубленного осмысления издревле формировавшейся самобытной картины мира каждого из них.

Список литературы:

Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике* // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-240.

Богораз В.Г. *Религия* // Чукчи: монография. Часть II. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 206 с.

Богораз В.Г. *Социальная организация* // Чукчи: монография. Часть I. Ленинград: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1934. 224 с.

Вдовин И.С. *Очерки истории и этнографии чукчей*. М.; Л.: Наука, 1965. 403 с.

Жулева А.С. Категории «время» и «вечность» как факторы исторической поэтики в ненецкой литературе // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ. Теория. История. Проблемы современного развития: Материалы Международной научной конференции. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 284-291.

Жулева А.С. Мифопоэтика пространства в романах Юрия Рытхэу // *Studia Litterarum*. 2018. Т.3. № 3. С. 208-231.

Жулева А.С. *Поэтика пространства в ненецкой литературе* // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Выпуск 5. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 97-154.

Кассирер Э. *Философия символических форм. Мифологическое мышление*. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 2. 280 с.

Лотман Ю. М. *Художественное пространство в прозе Гоголя* // В школе поэтического мастерства: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251-293.

Мюллер Тимо. *Экология литературных хронотопов* // Справочник экокритицизма культурной экологии [Пер. с нем.]. Берлин де Грюйгер, 2016. С. 509-604.

Попова И.Л. *Историческая поэтика в теоретическом освещении*. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 204 с.

Пошатаева А.В. *Литература народов Севера (Истоки. Становление. Развитие)*. М.: Наука, 1988. 168 с.

Рытхэу Ю.С. *Белые снега*. М.: Современник, 1975. 280 с.

Скорик П.Я. *Грамматика чукотского языка*. Л.: Наука, 1977. 76с.

Топоров В.Н. *Пространство и текст* // Текст: семантика и структура. М.: Современник, 1983. С. 227–284.

Хазанкович Ю.Г. *Время-пространство в прозе малочисленных народов Севера* // *Studia Litterarum*. 2017. Т.2. № 2. С. 230-242.

Хайдеггер М.М. *Искусство и пространство* [Перевод В. Бибихина] // *Самосознание культуры и искусства XX века*. М., 2000. С. 105-109.

Хализев В.Е. *Теория литературы*. М.: Высш. шк., 2004. С. 183-233.

Хомич Л.В. *Ненцы*. СПб: Изд-во Дрофа, 2003. 123 с.

Шутая Н.К. *Типология художественного времени и пространства в русском романе XVIII-XIX вв.*: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 36 с.

Элиаде М. *Священное и мирское*. М: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

Словари:

Инэнликэй П.И. *Словарь чукотско-русский и русско-чукотский*. Л.: Просвещение, 1982. 328 с.

References:

Bahtin M.M. *Formy vremeni i hronotopa v romane: Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and chronotope in the novel: Essays on Historical Poetics]. *Voprosy literatury i jestetiki* [Literature and Aesthetics]. Moscow: Fiction, 1975. Pp. 234–240. (In Russian)

Bogoraz V.G. *Religija* [Religion]. *Chukchi: monografija. Chast' II* [Chukchi: monograph. Part II]. Leningrad: Main Directorate of the Svernoe Sea Route Publ., 1939. 206 p. (In Russian)

- Bogoraz V.G. Social'naja organizacija [Social organization]. *Chukchi: monografija. Chast' 1* [Chukchi: monograph. Part I]. Leningrad: Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR Publ., 1934. 224 p. (In Russian)
- Hajdegger M.M. Iskusstvo i prostranstvo. Perevod V. Bibihina [Art and space. Translated by V. Bibikhin]. *Samosoznanie kul'tury i iskusstva XX veka* [Self-awareness of culture and art of the XX century]. Moscow, 2000. Pp. 105-109. (In Russian)
- Halizev V.E. *Teorija literatury* [Literature theory]. Moscow: Higher school Publ., 2004. Pp. 183-233. (In Russian)
- Hazankovich Ju.G. Vremja-prostranstvo v proze malochislennyh narodov Severa [Time-space in the prose of the small ethnic groups of the North]. *Studia Litterarum* [Студия Литтерарум]. 2017. Volume 2. № 2. Pp. 230-242. (In Russian)
- Homich L.V. *Nency* [Nenets]. St. Petersburg: Drofa Publ., 2003. 123 p. (In Russian)
- Injenlikkej P.I. *Slovar' chukotsko-russkij i russko-chukotskij* [Chukchi-Russian and Russian-Chukchi Dictionary]. Leningrad: Education Publ., 1982. 328 p. (In Russian)
- Jeliade M. *Svjashhennoe i mirskoe* [Sacred and worldly]. Moscow: Moscow State University. M.V. Lomonosov Publ., 1994. 144 p. (In Russian)
- Kassirer Je. *Filosofija simbolicheskikh form. Mifologicheskoe myshlenie* [Philosophy of symbolic forms. Mythological thinking]. Moscow; St. Petersburg: University Book Publ., 2002. Volume 2. 280 p. (In Russian)
- Lotman Ju. M. Hudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolja [Artistic space in Gogol's prose]. *Vshkole pojeticheskogo masterstva: Pushkin. Lermontov* [At the school of poetry: Pushkin. Lermontov]. Moscow: Education Publ., 1988. Pp. 251-293. (In Russian)
- Mjuller Timo. *Jekologija literaturnyh hronotopov* [Ecology of literary chronotopes]. *Spravochnik jekokriticizma kul'turnoj jekologii. Perevod s nemeckogo* [Cultural Ecology Eco-Criticism Handbook. Translation from German]. Berlin de Gruyger, 2016. Pp. 509-604. (In Russian)
- Popova I.L. *Istoricheskaja pojetika v teoreticheskom osveshhenii* [Historical poetics in theoretical coverage]. Moscow: Institute of World Literature named after A.M. Gorky Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 204 p. (In Russian)
- Poshataeva A.V. *Literatura narodov Severa (Istoki. Stanovlenie. Razvitie)* [Literature of the peoples of the North (Origins. Formation. Development)]. Moscow: Science Publ., 1988. 168 p. (In Russian)
- Rythjeu Ju.S. *Belye snega* [White snows]. Moscow: Contemporary Publ., 1975. 280 p. (In Russian)
- Shutaja N.K. *Tipologija hudozhestvennogo vremeni i prostranstva v russskom romane XVIII-XIX vv.: Avtoref. dis. ... d-ra filog. nauk* [Typology of artistic time and space in the Russian novel of the XVIII-XIX centuries: Author's abstract of the dissertation ... Doctor of Philological Sciences]. Moscow, 2007. 36 p. (In Russian)
- Skorik P.Ja. *Grammatika chukotskogo jazyka* [Chukchi grammar]. Leningrad: Science Publ., 1977. 76 p. (In Russian)
- Toporov V.N. Prostranstvo i tekst [Space and text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow: Contemporary Publ., 1983. Pp. 227-284. (In Russian)
- Vdovin I.S. *Ocherki istorii i jetnografii chukchej* [Essays on the history and ethnography of the Chukchi]. Moscow; Leningrad: Science Publ., 1965. 403 p. (In Russian)
- Zhuleva A.S. Kategorii "vremja" i "vechnost'" kak faktory istoricheskoy pojetiki v neneckoj literature [Categories "time" and "eternity" as factors of historical poetics in Nenets literature]. *Mezhdunarodnye Lomidzevskie chtenija. Izuchenie literatur i fol'klora narodov Rossii i SNG. Teorija. Istorija. Problemy sovremennogo razvitija: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [International Lomidze Readings. Study of literatures and folklore of the peoples of Russia and the CIS. Theory. Story. Problems of Modern Development: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow: Institute of World Literature named after A.M. Gorky Russian Academy of Sciences Publ., 2008. Pp. 284-291. (In Russian)
- Zhuleva A.S. Mifopojetika prostranstva v romanah Jurija Rythjeu [Mythopoetics of space in the novels of Yuri Rytkheu]. *Studia Litterarum* [Studio Litterarum]. 2018. Volume 3. № 3. Pp. 208-231. (In Russian)
- Zhuleva A.S. Pojetika prostranstva v neneckoj literature [Poetics of space in Nenets literature]. *Istorija nacional'nyh literatur. Perechityvaja i pereosmyslivaja* [History of national literatures. Rereading and rethinking]. Moscow: Institute of World Literature named after A.M. Gorky Russian Academy of Sciences Publ., 2015. Pp. 97-154. (In Russian)

Time-Space in the Novel by Iuri Rytkeu “White Snows”

The article defines the role of the time-space unity category in the composition, the development of the plot and in creating the characters of the novel and reveals the significance of the chronotope in the disclosure of the sphere of meanings.

The purpose of the article is to analyze the artistic categories of space and time in the novel by Iuri Rytkeu “White Snows”. The principles of functioning and modification of the chronotope are revealed in the process of the North peoples literatures formation. On the basis of the novel by the Chukchi writer Iuri Rytkeu “White Snows” it is investigated as a chronotope, being a sign system that connects different semantic codes (historical, geographical, mythological, religious, cultural) reveals the worldview of the author and heroes. It contributes to the reflection of the ethnic world during the period of acculturation. The mythological chronotope (with cyclical time) and historical (with linear time) are compared, their impact as two types of world perception on the main motive, composition and development of the plot, collisions and allusions, literary images is revealed. The dominant role of spatial representations in the mythological chronotope is noted. It was revealed that in the real life of the ancient Chukchi people (lived in Chukotka in the Neolithic Era), at the early stage of evolution, there was a period of non-division of the categories of time and space, temporal relationships were transmitted by spatial designations, as evidenced by the appeal to the thesaurus of the Chukchi language. When creating the work Rytkeu relied on the time-space composition, this special deliberate artistic technique actively used in Russian and European literature. When comparing the perceptions of time and space in different cultures, it is important for us both to identify the very properties of “here” and “now” and to compare different laws of being.

Keywords: space, time of changes, mythological chronotope, novel by Iu. Rytkeu, semantics, images, ethnomir